

Виктор Геронда

Чаша
холодной воды

Виктор Геронда

Чаша холодной воды

«Издательские решения»

Геронда В.

Чаша холодной воды / В. Геронда — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506132-4

Книга о людях Донбасса, дух которого ни у кого не получалось сломить.
Сборник состоит из двух частей: рассказов (историй из жизни) и хроники —
дневниковых записей о событиях в Донбассе в 2014—2015 гг.

ISBN 978-5-00-506132-4

© Геронда В.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Левша из Донбасса	6
Дневник серийного маньяка	11
У святой Варвары	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Чаша холодной воды

Виктор Геронда

© Виктор Геронда, 2019

ISBN 978-5-0050-6132-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Левша из Донбасса

Многие слышали о герое Лескова Левше, который умудрился подковать «аглицкую блоху» без всякого «мелкоскопа». Та история случилась давно и превратилась в легенду. Но до сих пор встречается в гуще простого народа такой талант, что этого никак нельзя было предположить в обычном с виду человеке.

Донбасс раньше был так называемым «диким полем». Бескрайние донецкие степи не очень благоприятны были для житья. И дело даже не в том, что вольный ветер зимой остужал степь морозом, а летом палил ее зноем, выжигая досуха. Скитались в тех местах кочевники разного рода-племени – сарматы, печенеги и другие, которые не любили заниматься земледелием. И горе было тем, кто пытался начать там оседлую жизнь, бросая зерна в землю. Налетят, ограбят, сожгут, угонят в рабство...

Потом эту территорию отвоевали, а затем и нашли там каменный уголь. Сначала брали то, что лежало на поверхности, затем пришлось спускаться под землю все глубже и глубже. Угля добывали все больше, и в советское время Донбасс стали именовать «всесоюзной кочегаркой». Работа в шахтах всегда была очень тяжелой, остается она таковой и сейчас. Спуститесь-ка на километр вглубь и поработайте там при 30—40 градусной жаре, в угольной пыли и при недостатке воздуха!

Потому работают там люди мужественные и даже отчаянные. И среди них встречаются романтики, мечтающие о небе. Говорят, даже из неглубокого колодца небо кажется более голубым. Что уже о километровой дырке в земле говорить?

Об одном таком талантливом романтике и мечтателе я и хочу рассказать.

Работал Виталий в шахте электрослесарем. Внешне все складывалось так, как и у многих его сверстников – окончил среднюю школу, отслужил в армии, пошел работать «бойцом подземного фронта», женился... Парень с юности любил возиться с «железками», любил мастерить и делать все своими руками.

Однажды, еще нося военную форму и собираясь в караул, он в очередной раз набивал автоматный рожок патронами. Боевое оружие и патроны – штука серьезная, после караула их полагалось по счету сдать обратно под охрану. И так надоела ему эта нехитрая процедура, что он на досуге придумал и соорудил машинку для зарядки автоматного магазина. Теперь можно было просто крутить ручку, и патроны сами укладывались куда надо. Сметливого солдата наградили отпуском и даже выдали небольшую премию за рационализаторское предложение.

Затем служба закончилась, началась работа на угольном предприятии. Почти все свое свободное время Виталий (даже когда женился) ковырялся с железками. Летом он чинил мотоциклы и автомобили. Иногда у двери его гаража стояло по два-три стальных «коня». Подземный электрослесарь разбирал их до винтика, лечил их болезни, заменял неисправное. Гараж был битком набит разным инструментом, болтами с гайками, запасными частями и всяким железным хламом. Были тут и точило, и небольшой сверлильный станочек. Затем Виталий всякими правдами и неправдами добыл списанный токарный и сверлильный станки, наладил их и соорудил в подвале целую мастерскую. Как он умудрился затащить туда эти тяжеленные железины – уму непостижимо.

Отремонтированные мотоциклы он потом продавал. Но делал это не ради денег. Платили на шахте хорошо, денег семье хватало, позже Виталий даже машину купил. Напомним, что дело было в советское время, когда немногие имели собственный автомобиль. Любовь к тех-

нике была сильнее. Нравилось ему ковыряться в моторах, лечить их – не только меня запасные части (которые, кстати сказать, не так легко было найти). Существовало такое понятие, как «дефицит». Перепродажа запчастей да и всего остального называлась спекуляцией и преследовалась по закону. Это сейчас такие деяния именуется бизнесом, и с них платятся налоги.

Для Виталия отсутствие запасных частей не было особой проблемой. Он извлекал из металлического хлама подходящую железку, колдовал над ней, пилил, точил, сверлил – как скульптор, отсекая от глыбы камня лишнее, творит произведение искусства. Затем его творение становилось на подобающее ему место, и агрегат на колесах оживал, плюя дымом из выхлопной трубы. Немало самых различных байков прошло через его руки. Потом это дело ему наскучило. Тогда было не так много марок отечественных мотоциклов. Ну, и чехословацкая «Jawa» еще... Эта горная вершина была взята, и деятельная натура требовала новых покорений.

С мотоциклами хорошо было возиться летом. Зимой в холодном моторе ковыряться несподручно, да и не ездит никто на них в это время. Виталий так привык к возне с железом, что уже не мог остановиться. У него тоже был маленький подвальчик, который, конечно же, был забит металлом. Места для банок с огурцами и «второго хлеба» едва нашлось.

Именно там, в тихом подземелье, Виталий обдумывал будущую конструкцию. Подвал располагался под пятиэтажной хрущевкой, где жильцы дома хранили свою консервацию, картошку, другие съестные припасы и всякий не нужный дома хлам.

Для новых проектов места в мастерской явно не хватало. Чуть в стороне от его каморки, в подвале же, была свалка. В этот темный угол жильцы дома заглядывали единственно с тем, чтобы бросить сюда всякие сломанные штуковины и мусор, который было лень нести наверх. Приблудные собаки выводили там своих щенят. Ближе к весне туда забредали коты, и тогда первозданная тишина подвала нарушалась блаженным ором.

Виталий разогнал оттуда всякую живность и вынес весь мусор, которого хватило бы на целую мусорную машину. Интересно отметить, что мусора в те годы было несравненно меньше, чем сейчас. Никаких мусорных баков во дворах не стояло. Раз в день (не каждый день) вечером приезжала мусорная машина, ходил народ с ведрами и высыпал. Тогда не было никакой мелкой фасовки, к которой мы так привыкли, пластиковых бутылок, одноразовой посуды и прочих достижений современной цивилизации.

Затем он натаскал в подвал щебенки, затащил туда станки, наладил освещение, поставил дверь с большим замком, и этот от века заброшенный угол приобрел пристойный вид. И работа закипела! На этот раз Виталий захотел сделать аэросани. Аэросани – это такая штуковина на лыжах, которую двигает винт (пропеллер) как у старых самолетов. Только у самолетов винт спереди, а у аэросаней – сзади. Грубо говоря, надо поставить сиденье на лыжи, пристроить сзади двигатель с пропеллером – и вперед! История умалчивает о том, где Виталий раздобыл двигатель; наверняка с какого-нибудь тяжелого мотоцикла.

Лыжи были сделаны из дюралевых пластин. В то время работала тьма-тьмущая заводов, где можно было достать все, что угодно и без особых проблем. Тогда никто не держал подпольные пункты приема металлолома, никто не жег провода и кабели, чтобы добыть оттуда медь. Это варварство началось в лихие 90-е. А раньше все ненужное железо свозили на базы «Вторчермета», которые никто особо и не охранял. Тогда куски медных и алюминиевых проводов валялись прямо под ногами, и никто их не брал!

Кабина для «зимней колесницы» была сделана из фанеры и обита по краям металлической полосой. Передняя лыжа была соединена с рулем от старого «Москвича». Тормоза были сделаны просто и без затей. Тормозная рукоятка переходила в металлическую раму, которая скребла о снег или лед, поэтому после торможения оставалась глубокая борозда. С винтом Виталий провозился не один день. Притащил несколько лесин и долго принаравливался к ним, орудуя где топором, где рубанком, а где – и ножом. И все равно лопасти винта получились

неодинаковыми. Получалось по пословице: «Возьмешься за дело, а дело – за тебя!» И тут – кто кого...

Наконец, сооружение невиданной штуковины было завершено, и она была явлена миру. Как водится, сбежалась толпа зевак, из которых была половина советчиков, а половина – критиков. Самыми благодарными зрителями были те пацаны, которым удалось пробиться сквозь плотный кордон взрослых. Они заглядывали в кабину, пытались крутить руль, трогали тормозную рукоятку и винт.

Какой-то знаток, осмотрев двигатель с ременными передачами, с размаху авторитетно залепил вердикт: «Поработает минут десять и заклинит!» Мальчишкам стало обидно, и они вразной закричали: «Ничего он не заклинит! Будет работать!» Однако так и получилось. Мотор работал как-то неровно, и его мощности явно не хватало. Все стояли, смотрели и видели – конструкция едва сдвинулась с места. А потом один из передаточных ремней разорвался и взлетел на дерево. Хорошо, что никого не задело...

Первая модель оказалась неудачной, и Виталий в гневе изрубил в щепки корявый винт. Вторая конструкция имела дюралевые трубы вместо задних лыж и работала как надо! Испытывали аэросани на территории рынка, который зимой чаще всего пустовал. Это сейчас, когда торговля расцвела буйным цветом, там нагромождено множество торговых точек. Как и в первый раз, сбежалось множество народа – посмотреть на диковинную машину. Самые смелые даже покатались на чудо-санях. Громко фырчал двигатель, выбрасывая струйки выхлопных газов. Изобретатель счастливо покуривал в сторонке и следил, чтобы никто не угодил под вращающийся винт.

Аэросани – для зимы. Летом же Виталий занимался другими делами. Захотелось ему покорить и другую стихию – водную. Виталий стал делать лодку. Конечно же, с мотором! Клепать корпус из металла – дело сложное, поэтому покоритель стихий стал делать его из дерева. Из дерева же делали суда и лодки сотни лет назад! Корпус сооружали из длинных досок, заделывали щели паклей, смолили. Получалась громоздкая и тяжелая конструкция. Донбасс – это степь, с деревом здесь всегда были проблемы, да и как затащить тяжелую лодку в подвал? К тому же в нашем провинциальном городке нет ни реки, ни даже маленькой речушки. Но зато есть множество прудов, которые, по сути, являются шахтными отстойниками.

В шахтные выработки постоянно просачиваются грунтовые воды, и если их не откачивать – шахту затопит. Некоторые пруды были оборудованы как зона отдыха, кое-где можно было даже порыбачить. На одном из таких водоемов и решил Виталий испытать свое творение. Чтобы лодка не получилась слишком тяжелой, конструктор сделал ее корпус из фанеры. Внутри было установлено множество брусков-распорок, швы проклеивались и герметизировались стеклотканью и эпоксидной смолой. Было поздняя весна, занятия в школах шли к концу, и толпа окрестных мальчишек глазела, как невиданная конструкция приобретает законченные очертания. Двигатель для лодки был переделан, конечно же, из мотоциклетного.

Был он с облезшей краской, поцарапанный, что теребило душу конструктора, стремившуюся к совершенству. Виталий мобилизовал мальчишек, и те натащили из школы стержней из шариковых ручек (многие школьники тогда недоумевали – куда те подевались). Из этих стержней и алюминиевой пудры был сделан красящий состав, и мотор засиял глубоким и блестящим синим цветом. Готового винта для лодки не нашлось. Но Виталий смастерил тигель из куска стальной трубы с вентилятором, накидал туда сплюснутых обломков от старой раскладушки и отлил заготовку. Обработанная умелыми руками, заготовка превратилась в блестящий винт, радующий глаз плавными очертаниями.

Для транспортировки лодки была изготовлена специальная тележка. Когда все было закончено, лето вступило в полную силу. Лодку затащили на тележку и повезли к ставку. Надо было видеть это зрелище! Мальчишки тянут тележку, конструктор со своим другом- студентом идут сзади, беседуя о предметах возвышенных, а по пути толпа обрастает новыми зевачами.

Подъехали к ставку, лодку спустили на воду. Однако двигатель никак не хотел заводиться. Виталий, поработав веслами, отогнал лодку подальше от берега, еще раз дернул за пусковую веревку, и окрестности пруда огласились никогда здесь не слышанным звуком лодочного мотора. Лодка поплыла! Но тут, как назло, заело руль.

Виталий крутил и дергал его туда-сюда и едва не врезался в водокачку. За секунду до столкновения он все же вывернул его, и борт лодки прошел в нескольких сантиметрах от угла водокачки. Зрители видели, как побледнело лицо конструктора. Толпа единодушно выдохнула: «Ох!» На гладкой поверхности воды расходились волны, доселе здесь невиданные. Главное было сделано! Водная стихия была покорена.

Лодка поплыла, хоть и не так быстро, как бы хотелось. Память не сохранила – как лодку вновь водружали не тележку, как ехали обратно. Запечатлелись только самые яркие мгновения и триумф конструктора. Может быть, так радовались братья Райт, подняв в воздух первый в мире самолет. Скорее всего, уже тогда Виталий стал мечтать о небе. Хотя после лодки на том же ставке испытывали и катамаран, винт у которого был побольше и работал не в воде, а на воздухе.

Оставалось покорить третью стихию – воздушную. После этого триединая задача была бы полностью завершена. Вспомним: эмблема «Мерседеса» символизирует, что его двигатели работают в трех стихиях – на земле, в воде и в воздухе. Наверное, многие из нас в детстве мечтали о небе, наблюдая за птицами, свободно парящими в облаках. Лететь самолетом – это, конечно, интересно, но... Вроде бы и небо близко, за иллюминатором, и облака внизу. Но слишком комфортно, слишком упорядочено и предсказуемо. Виталий должен был подняться в небо не иначе, как на творении своих рук. Путь к мечте оказался долог...

Давно замечено, что талантливым людям нередко посылаются большие искушения. Судьба пробует их на прочность, испытывает, а иной раз и ломает через колено. Может быть, для того, чтобы талант, данный человеку, очистился, засверкал новыми гранями и стал как «золото, семь раз переплавленное»? Виталий прошел через тяжелую полосу в своей жизни, семья распалась. Воистину, от тюрьмы и от сумы не зарекайся...

Но мечта о небе оставалась. И уже на излете жизни он взялся за постройку вертолета. Не было уже ни той старой мастерской в тихом подвале, ни уютного гаража, не было уже тех сил и задора. Никто из тех старых зрителей не видел, как он создавал небесную машину. Конструктор жил в другом месте. Мальчишки, что тащили лодку, давно выросли, завели семьи, разъехались. Виталий, вспомнив весь свой опыт, выжав до капли свой талант, преодолел все технические трудности и поднялся все-таки в воздух! Очевидцы утверждали – сначала двор дома, где он жил, огласился оглушительным грохотом двигателя. Соседи перепугались и вызвали милицию.

А между тем, вертолет, загрохотав сильнее, медленно оторвался от земли и завис в воздухе! Подъехавший патруль кричал в мегафон: «Немедленно спуститесь! Немедленно спуститесь!» Но как же тут спуститься, когда душа поет, когда исполнилась мечта, когда небо стало так близко! Виталий был вознагражден – за перенесенные скорби, испытания, за изломанную судьбу и подорванное здоровье...

А тут какой-то земной голосишко, не слышимый на высоте и заглушаемый плотным басовитым звуком небесной машины, требует наступить на горло собственной песне! Судьба хранила Виталия. Вертолет повисел в воздухе, не обращая внимания на служителей Фемиды, бегающих как букашки внизу в плену земного тяготения, и затем аккуратно и медленно приземлился. Жаль, что не было в тот момент последнего триумфа нас, старых зрителей и почитателей его таланта. Мы бы порадовались вместе с ним!

Вспоминая те далекие и одновременно близкие годы, я думаю – куда же делись те романтики и мечтатели, которыми всегда был богат наш народ? Неужели все в менеджеры подались? Может, их просто не видно?

Заканчивая повествование о Левше из Донбасса, вспомним наши детские мечты и задумаемся – может быть, нам что-то стоит изменить в своей жизни?

Дневник серийного маньяка

Сегодня объявили, что на две недели отключают кабельное телевидение. Будут какие-то там ремонтные работы. Чтобы вам так отключали! Это, значит, я сериал про бандитов и ментов на середине прерву? Ну, придумали! И новостей не посмотришь...

Почему же так долго-то? Раньше, самое большее, за пару дней управлялись. Что там такого особенного делать? Небось, не извинится потом никто, как это обычно с нашим сервисом бывает.

День первый.

На работе рутина и скука, все надоело хуже горькой редьки. До отпуска далеко еще, начальство терзает проектом. Легко им там пальцем указывать! А самим мозгами шевелить слабо.

Вечером включил дома телевизор по привычке, а там – черный экран. Ах, да, отключили же. Вот елки-палки, так хотелось ментовскую сагу посмотреть! Следак лихо погрязшего в коррупции сослуживца на чистую воду выводит. И весь такой из себя, крутой. Больше бы таких!

Со скуки ходил из угла в угол, пока жена с работы не пришла. На кухне сидели, долго разговаривали. Жена все осмолит:

– Чего это ты сегодня такой разговорчивый? Может, жажнул где с устатку? Случилось что-то?

– Нет, говорю, не пил совсем, просто поговорить захотелось.

День второй.

С проектом дела потихоньку двигаются. Только сейчас заметил: начальник наш на киношного следователя похож, костюм такой же и галстук. Может, он когда-то в сериалах снимался? И зажигалка у него как у бандита, которого во второй серии повязали. Жаль, что телевидение отключили, хотелось новости посмотреть. Что там, интересно, в мире творится?

После работы полез в интернет, а его тоже отключили. Ну, елки-палки! Без ножа режут! Организм аж трясет весь. Это ж надо! Вот придумали! Что там за специалисты такие, что быстро сделать не могут?! Весь вечер злой ходил. Жена чувствует, что я «на взводе» и тактично молчит.

День третий.

На работе припахали по полной, весь день как белки в колесе крутились. Какая-то проверка была в верхах, что-то там нашли, нарушения какие-то. Теперь все начальство шуршит, разборки какие-то идут, подковерная борьба. И до нас доносится. Лес рубят – щепки летят.

С работы шел пешком, надоела толкотня в маршрутке, шансон этот гундосый, где слова по блатному растягивают. Лучше всех поет тот, кто сам никогда не сидел. И врут все про тюремную романтику. Свою машину делать надо – с тормозами что-то.

Вечером пошли с женой по парку гулять. Она все перед зеркалом крутилась, собиралась долго. Аж раздражать начало! Идем по парку – и вижу я, что встречные мужики на супругу мою пялятся. Я сам украдкой сбоку посмотрел – красивая! Пятнадцать лет уже вместе, а с ней хоть сейчас под венец. Пополнела только чуток. Но так даже лучше! А я и замечать, было, перестал...

День четвертый.

Вспомнил, что жена вчера просила с сыном поговорить. Пацану четырнадцать, трудный возраст, огрызается, в школе лоботрясничает, на улице с друзьями до ночи околачивается. Пока ждал, ткнул в телевизор – темный экран. Ах да, да, отключили. И интернет тоже...

Пришел хлопец поздно и с синяком под глазом.

– Где был? – спрашиваю.

– Где надо, там и был.

– А получил от кого?

Говорит уклончиво:

– Ну, получил и получил. Было дело.

– А чем вы там до ночи занимаетесь?

– Чем надо, тем и занимаемся. Мотоциклы угоняем и разбираем.

Чувствую, что заводится. Вот-вот – и хамить начнет. Отыграл назад:

– Слушай, сынок, у нас машина барахлит, давай завтра поковыряемся, а?

Смотрит недоверчиво:

– А-а-а, ты обещаешь только, опять в телевизор свой уткнешься, и не подходи к тебе.

– Так отключили телевидение, – говорю.

Ухмыльнулся Лешка мой скептически, хмыкнул.

День пятый.

Весь вечер в гараже просидели. Лешка друга своего привел. Ковырялись в двигателе, разбирали, промывали. Помощники мне инструменты продавали, сами все измазались. Смотрю – у пацанов глаза горят, и схватывают все на лету. Интересно им!

На улице темно уже, первые звезды на небе зажглись. Двигатель мы перебрали, собрали, вроде работает, завтра еще попробуем. Надо пацана на бокс пойти записать. Пусть драться как следует научат. Шрамы мужчине украшают, но на удар надо уметь отвечать.

День шестой.

Сегодня выходной должен быть, но на работу вызвали, начальство с проектом торопится, сроки поджимают. Весь день пахал как компьютер, к концу дня вымотался совершенно. Какой тут гараж... Лешка понял, что не пойдём, надулся:

– Ты же обещал!

– Устал, – говорю, – сынок, завтра доделаем, завтра точно выходной!

Посмотрел молча, хмыкнул недоверчиво, пошел на улицу. Клацнул телевизор, хотел итоговый выпуск новостей посмотреть – черный экран. Ах, да, тьфу ты! Могли бы на часок включить! Надо же знать, что в мире происходит. Катерина в комнату вошла:

– Ничего там особенного не происходит, все как обычно.

До меня дошло, что с досады сам с собой стал разговаривать.

– Ну, погоду же надо на завтра узнать?!

– А зачем тебе погода? – жена говорит.

– Как зачем? Мы как машину сделаем, на рыбалку поедём!

– Ну, так палатку же возьмете, если дождь пойдет, пересидите. А намочит – так ничего страшного! Будет что вспомнить. Сегодня небо ясное было, завтра, скорее всего, тоже так будет.

Посмотрел я внимательно на Катерину свою. Не только красивая у меня жена, но и толковая. Надо же, только сейчас дошло... По-новому как-то увидел. Она от сериалов своих, мыльных опер всяких, давно отвыкла, а я все никак не могу.

День седьмой.

Поехали с пацанами на рыбалку. Лешка друга своего взял, который у нас в гараже торчал. Перед самой поездкой хватился я: а удочки? Надо хоть наборы какие-то взять, удилица на месте выломаем. Сын мой глаза округлил: какие еще наборы?! И сразу скалиться начал:

– Па, ты в двадцатом веке остался! Это вы наборы в спорттоварах покупали и удилица выламывали. А сейчас готовые удочки в сборе продают, складывающиеся, из пластика. У нас уже есть удочки, наживка, и садок для рыбы.

И покровительственно так:

– Ты со своими сериалами совсем от жизни отстал!

Что он меня этим сериалами подкалывает? Хотел сгоряча подзатыльник отвесить (нельзя так с отцом разговаривать!), но передумал. Действительно, много этой дряни пересмотрел, а про рыбалку там ничего не было. Только бьют, душат, убивают, протоколы составляют. Как будто весь мир только из ментов и бандитов состоит.

На рыбалке здорово было. Окуньков наловили, в мою ладонь величиной. Поставили хлопцы котелок – уху варить, а я с удочками сижу. Вдруг как дернет поплавок – и удилица в дугу согнуло, чуть из рук не вырвало. Пацаны котелок бросили, смотрят. Лешка кричит:

– Па, ты осторожно выбирай, потихоньку крути, его утомить надо!

Рыба водит из стороны в сторону, уйти пытается. Поближе подвел. Пацаны сачок схватили, подвести под добычу пытаются. Вдруг как дернет – и крючок оборвало...

Лешка чуть не плачет:

– Ушел!

– Ничего, – говорю, – сынок, еще поймаем!

У меня давно азарта такого не было... Уха вкусная вышла, с дымком. И вообще все хорошо получилось. Я уже забыл, когда такое последний раз было.

Ехали обратно, смотрю – ребята на заднем сидении сопят, заснули. И меня ко сну клонит, свежим воздухом надышался. Хороший получился выходной. Домой доехали, машину в гараж загнал. Дома чаю только попили и спать завалились.

День восьмой.

Чуть на работу не проспал, едва побриться успел. Начальство работы подкинуло, как обычно в начале недели бывает. Недаром сказано – понедельник день тяжелый. Вот бы на рыбалку смыться! Пусть даже и не поймается ничего, только бы с удочкой в тишине посидеть. Рядом костерок дымит. Эх...

Строгости новые объявили. Теперь корпоративную почту будут просматривать, ни в «одноклассники» не войти, ни почту личную почитать. Весело... Попробовал было посмотреть – а там картинка выскакивает, полицейский с протянутой рукой. Запрещено, мол. Американский явно полисмен, это у них фуражки такие. И ролики на Youtube не глянешь.

Чтобы не отвлекались, значит, работали. И дома нет интернета, нет телевизора, и здесь обложили. Осталось еще в сортире видеокамеры поставить для контроля! Хотел такое начальству предложить (и микрофоны еще там поставить), но передумал. Ходят слухи, что сокращение у нас намечается. А я и так уже за длинный язык на крючке. И кредит за машину еще не полностью выплачен.

Какое все-таки рабство наша жизнь! Пять раз в неделю на работу ходи, да еще в выходной могут вызвать – и не открутишься! Желания в тебе распалют – обладать чем-то, иномаркой там или смартфоном – и паши потом на эти железки! Нельзя же хуже соседа быть!

Еще и сегодня цепи на шею повесили: туда не ходи, сюда не смей. Наш системный администратор сообщил по секрету, как эти запреты обходить, но предупредил, что скоро поставят специальную программу. Следить – кто чем занимается. Подключатся к твоему компьютеру (ты и знать не будешь) и будут видеть, что у тебя на мониторе. Точно рабство!

Пришел домой, ткнул в телевизор. Знаю, что не включили, а все равно проверил, мало ли что. Пошли с женой в парк гулять.

День девятый.

Защищали на работе проект, семь потов сошло. Толпа заказчиков в дорогих костюмах и разноцветных галстуках наехала, никогда столько не было. Полдня отбивались. По лицам начальство видим – удовлетворено оно. Не зря мы, значит, столько времени пыхтели. Выжали нас как лимон.

Потом начальство с теми, в галстуках, на фуршет ушло. Мы с коллегами чайку заварили, сидим, типа, пот со лба утираем, беседуем на отвлеченные темы. Хотя, проект спихнули, можно и покрепче чего-нибудь? Как это говорят? Что позволено Юпитеру, не позволено быку?

Можно, конечно, гонца послать, только потом начальство, которое сейчас точно не чай пьет, так далеко пошлет, что новое место работы искать придется. В корпоративном кодексе этики, с которым нас недавно ознакомили, написано черным по белому, что коллективные пьянки на рабочем месте недопустимы. Можно подумать, мы бы напились до невменяемого состояния. Не напились бы! Прошли те времена... Сидим, маемся. Скорее бы уже домой, что ли?

И вдруг начальство заходит, благодатное такое (точно, успело приложиться) и улыбается широко. Вспомнилось: «наказание невиновных, награждение непричастных». Но руководство по-другому себя повело:

– Ребята, проект мы защитили, заказчики довольны, всем будет премия в размере оклада! Можете брать отгулы, у кого есть, только не все сразу. Сергей Александрович (это ко мне), у вас два дня переработки?

– Три, – говорю.

– Если хотите, берите три дня сразу. Вы хорошо поработали, очень нам помогли.

– Понял, – говорю, – спасибо. Пожалуй, и возьму.

А начальство:

– Все, ребята, на сегодня хватит, все по домам!

И ушло фуршет продолжать. Мы не стали ломаться, быстренько компьютеры выключили, в кафешку пошли, пивка попили. На рыбалку в выходные поедем. И жену с собой возьму!

Домой пришел с победным видом:

– Солнышко, на рыбалку все вместе завтра поедем, готовься!

– Это как? – жена спрашивает. – А работа?

– Так, это, мы проект сдали, у меня три отгула. Гуляй, казак!

Чувствует моя супруга, что душа у меня размягчилась, и, значит, проси чего хочешь. Берет меня за руку, в глаза смотрит и говорит так серьезно:

– Давай лучше в монастырь съездим, а?

– Куда? – говорю. – Зачем?

– В монастырь! Там очень хорошо и спокойно.

– Ты, что, в монахини собралась? Но там монастырь вроде мужской!

Хотел пошутить на эту тему, да язык не повернулся. Пропала, чувствую, рыбалка...

– Это в тот, куда полдня ехать?

– Не полдня, четыре часа всего.

Чувствует, что я вот-вот сдамся.

– Вот увидишь, хорошо там будет!

Скорчил я недовольную мину, хотел соврать, что машина не на ходу. Но меня, чую, обложили со всех сторон и сделали предложение, от которого «невозможно отказаться».

– Ладно, – говорю, – поедем.

Обрадовалась:

– Ну, вот и хорошо!

Пошел я в гараж тачку мою проверить, путь ведь неблизкий. Тормозную колодку на заднем колесе посмотрел и понял, что менять надо. До ночи провозился.

Дни десятый, одиннадцатый, двенадцатый.

Были в монастыре. Тут, оказывается, можно на три дня остановиться, на службы походить, кормят бесплатно. Условия спартанские, еда постная. В корпусах спальных во время службы находиться нельзя. Дисциплина! Вспомнилась служба моя в армии, первые месяцы, карантин. Гоняли нас как сидоровых коз, все время спать и есть хотелось.

А здесь даже раньше поднимают, в половине шестого, ходят с колокольчиком и звонят. У колокольчика звон мелодичный, но заснуть не даст. Потом еще раз пройдут, лежебок подпихнут. С колокольчиком все-таки лучше, чем когда дневальный с тумбочки орет: «Р-р-рота, подъе-о-ом!» Да противно так орет, как старшина научил, последнее слово растягивает, чтобы до самого сонного мозга дошло.

Утренняя служба в шесть часов начинается. Очень непривычно, ведь несколько лет начал работу в офисе с девяти. Иду со всеми, недовольный и сонный, на службу, а моей жене хоть бы что. Как будто мы всегда поутру на монастырскую литургию ходили.

Служат здесь чаще всего в Успенском соборе. Очень красив собор: белый, высокий, с зелёными крышами и золотыми маковками. Двери широкие, резные, темного дерева. Внутри сначала темновато кажется после утреннего солнышка, но потом привыкаешь. Горят у икон свечи и лампы.

К одной иконе очередь выстроилась на поклонение. Говорят, чудотворная. Подошёл поближе, посмотрел. Икона большая, старинная, под стеклом. Множество подвесок висит – золотые кольца, перстни, сережки, крестики, цепочки, рубли царских времен. Много-много их. Это благодарные паломники оставили, те, кто помощь получил.

Ничего себе, думаю. Такие штуки просто так не оставляют! Постоял немного, свечи поставил и вышел, а жена всю службу отстояла. У собора скамеечки стоят, на стенах динамики закреплены, так что службу все равно слышно.

В монастырском дворе фонтаны в виде креста сделаны, очень красиво. Кресты большие, мраморные. Солнце припекает, а вода прохладная, и вообще возле фонтана хорошо. Сажу на скамеечке, от дерева тень, паломники ходят, монахи иногда, дети бегают, возле фонтанов крутятся, ручонки туда опускают.

Напротив собора еще один храм, с часами на башне и колокольней. Куранты красиво так вызванивают каждую четверть часа. Во дворе клумбы разбиты, и так и сделано, что цветы разноцветными ярусами насажены, а в центре розы. Как в каком-нибудь ботаническом саду. Никогда такого не видел. Красота неопишная!

Тут служба кончилась, народ начал из собора выходить. Супруга подошла и говорит:

– Сейчас трапеза будет, пойдем?

Слово-то какое – трапеза... Не еда, не перекус, не «жрчка». Пожалуй, именно трапеза здесь и уместна. Это на работе мы едим или «жем». Здесь такие слова режут слух. Если бы сюда не приехал, никогда бы не задумался.

Что там еще у них? Уста, ланита, десница, чело... А ведь красиво звучит! И вообще все здесь красиво. Стоим с супругой и вдруг видим – монахи строем идут. Впереди фонарь несут, и отцы в две колонны следом идут – бородатые, в черных клобуках и рясах. Впечатляющее зрелище!

– Смотри, – жене говорю, – как солдаты на параде!

Кинула серьезно:

– Солдаты и есть. Только это не простые воины, а спецназ. Потому что опытные и искушены. Это они на трапезу пошли, пойдём и мы. Мы вроде как тоже военные, только в хоззведе, и наше дело – картошку чистить, посуду мыть и печку топить.

Хмыкнул я, и опять служба моя вспомнилась. На карантине у нас хоззвод был, там ребята за свиньями да коровами ходили, помои выносили, навоз убирали. Зато дедовщины там не было... А мы в части на первом году как веники летали. Зато я воинскую специальность радиотелеграфиста освоил и первый класс получил.

И работал на главном направлении, куда еще только двоих человек допускали. Много радистов у нас было, но там работали только лучшие. До сих пор азбуку Морзе помню, напев каждой буквочки и циферки. «Э-лек-тро-о-о-он-чи-ки», «э-эй-да-ай-за-ку-рить», «ве-дут-сол-да-а-а-та-а-а». Сейчас дадут телеграфный ключ, посижу недельку – и хоть опять радиogramмы передавай. Скорость, правда, быстро не наработаешь, тут время нужно.

Хотя, конечно, времени много уже после службы прошло, ключами давно никто не выступает, другая техника в ходу. И частоты помню, на которых работали. Во научили! Вовек теперь не забудешь!

Были спецы у нас – слухом определяли, какой именно передатчик из десяти наших работает. Я потом тоже научился, хотя и ошибался иногда.

Есть что вспомнить! Два земляка моих в автомобильную учебку попали – и потом водителями на ЗИЛ-ах работали. Пригодилась армейская наука. А два года быкам хвосты крутить – это колхоз какой-то, а не служба...

Трапеза мне скудной показалась, мясного ничего не было, непривычно. Говорю:

– Слушай, я тут на такой кормежке ноги протяну.

Жена в ответ:

– А тут продуктовая лавка есть, пойдём чего-нибудь купим.

Подожли, посмотрели – пирожки продают, печенье, кофе, чай. Улыбается Катерина моя:

– Приедем, я тебе самых лучших котлет нажарю!

– Точно как на карантине было! – думаю.

И улеглось раздражение мое. Не хватало еще сопли тут распустить...

А пирожки с картошкой вкусные здесь пекут. Почти как домашние! Хотя и постные.

Перешли по мосту через реку и пошли вдоль набережной гулять. И оттуда очень красивый вид открылся. Те, кто монастырь здесь строил, правильное место выбрали: горы над рекой, поросшие лесом, и среди всего этого высокие светлые строения. Горы на срезе белые, меловые, как стены храмов. Аж дух захватывает.

Река здесь неширокая, течение быстрое. Утки дикие стайками плавают, близко к берегу подплывают. Знают, что кто-то из паломников обязательно кусочек хлеба кинет. Никто здесь с ружьями не ходит, и чувствует это Божьи создания, не боятся.

Чуть дальше от берега – роща дубовая, и в ней – два здоровенных высоченных дуба. Редко такие увидишь. Лет по двести им, не меньше. Под дубами палатки стоят, народ тут отдыхает. Пляж неподалеку. На поляне костерок развели, варится в котелке что-то. Говорю:

– Слушай, надо сюда еще раз приехать. Палатку возьмем, поживем робинзонами?

– Робинзонов тут полно. Говорят, там выше по течению еще много таких пляжиков есть. Понравилось мне в этой дубовой роще. В дубах сила первобытная чувствуется. И вообще, хорошо здесь.

Вечером еще одна служба была. Жена в храм пошла, а я по горному серпантину поднялся к церквухе святого Николая, которую неизвестно как на склоне горы возвели, и долго стоял там на площадке. Река и монастырь остались далеко внизу, а спереди – сколько видит глаз – безбрежное зеленое море заповедника. Вот бы остаться здесь навсегда, так хорошо и спокойно!

Все эти рабочие напряжения, суэта, поток мыслей, непрерывно терзающий голову, – все-все отлетело далеко-далеко. Проекты, начальство – все переехало на другую планету. А когда вниз шел – ощутил, как тихо здесь.

Нигде такой тишины не слышал. Ни рева автомобильных двигателей, ни музыкальной какофонии (как дома у соседей за стеной), ни мычания телевизора, ни мобильных трелей, ни дебильной музыки, в которой почти один шум. Ни-че-го!

Никто не бомбит рекламными слоганами, никто не уговаривает что-то купить. Никто не втирает про прокладки, памперсы и прыщи. Вот надо было сюда приехать, чтобы ощутить...

Остались мы с женой еще на день. Уже очень хорошо здесь! На рыбалку потом съездим.

День тринадцатый.

В дорогу нам благословение дали. Я в машине иконку повесил, маленькую копию той, к которой народ идет. Понравилась она мне очень. Даже не то что понравилось, а... Даже слова точного не подберешь. Просто хорошо возле нее и все.

Доехали без приключений. Лешка наш за хозяина оставался и даже посуду за собой мыл. И вообще дома порядок. Молодец, хлопец! Тут еще сюрприз ожидал: телевидение на день раньше включили. Во дела!

Вечером ткнул в телевизор, поскакал по программам. На одном из каналов бандитский фильм идет. Посмотрел минуту – и больше не смог. Ну и дрянь же! Как я раньше эту муть смотрел?!

Рожи такие, что сразу и не поймешь – где бандиты, а где полицейские. Дерутся, стреляют, крутость свою демонстрируют. Все неустроенные какие-то, раздерганные. И видно, что в жизни актеры не такие как на экране. Ясно же видно, как я раньше не замечал?!

Вспомнилось, как несколько лет назад прочитал заметку в какой-то газете. Один заморский киношный громила приехал в гостиницу, а там кто-то стрелять начал. По-настоящему. Так этот супермен через окошко удирал, хотя стреляли совсем не в его сторону. Газетчики потешались: это он, мол, на экране герой, где кровь кетчупная! А тут все по-взрослому было.

Переключил на другой канал – новости идут. Посмотрел чуток – и рука сама к пульту потянулась. Выключить быстрее! Дикторша частит как из пулемета. Им там что, чем больше слов сказал, тем больше платят?! Куда ее несет? Как молотком по голове бьет: там что-то взорвалось, кого-то убили, пожар, опять доллар упал и вообще кризис. Да ну вас!

И лицо у нее напряженное, под косметикой видно. И взвинченная она какая-то. Все ли с ней в порядке? Как вся эта дьявольщина отличается от белоснежных стен собора, мелодичного звона курантов на звоннице, всей той безмятежности и тишины!

Испортилось телевидение. Совсем испортилось. Во мы попали, а?! И такое ведь каждый день показывают!

Хоть снова в монастыре уезжай...

И поеду когда-нибудь.

Обязательно поеду!

У святой Варвары

Поезд пришел позже обычного, уже стемнело, и Владимиру пришлось ловить такси, чтобы добраться с вокзала домой. Томило какое-то неясное предчувствие, как будто невидимая заноза вонзилась и саднила. Уже в глубокой темноте Владимир подошел к металлической двери подъезда, нащупывая в кармане ключ.

Когда-то все входные двери в хрущевской пятиэтажке были деревянными и никогда не закрывались. Тогда все жильцы друг друга знали, лихие люди здесь, в центре города бывали редко, и фраза «мой дом – моя крепость» не имела того буквального и жесткого смысла, какой она приобрела в лихие 90-е. Это потом девятым валом выплеснуло везде столько сломанных людей, что оставалось только удивляться такому катаклизму. После «сухого» закона 80-х началась безудержная вакханалия употребления того, что запретить было нельзя.

Милиция даже по вызову приезжала редко. Да и что можно взять с бомжей и опустившихся людей? Поэтому жильцам дома, окруженного значными местами, не оставалось ничего другого, как обзавестись железными дверями в каждом подъезде.

Владимир медленно поднялся на свой четвертый этаж, стараясь не обращать внимания на вдруг навалившуюся усталость. Вот интересно: когда долго едешь даже в такси, всегда устаешь, как будто камни ворочал. Свет на лестничной площадке не горел, но сверху и снизу подсвечивало. Владимир привычно попал ключом в скважину замка и вошел. Включив свет в прихожей и, стараясь ступать тихо, он прошел на кухню и поставил чайник на плиту. Из комнаты донеслось:

– Вова, ты? Приехал?

Старенькая мама Владимира легла спать в этот вечер в гостиной, чтобы не пропустить появления сына.

– Привет, ма! Приехал. Как ты себя чувствуешь?

– Да что-то голова болит, и весь день нездоровится как-то, – ответила Нина Федоровна.

– Может тебе давление померить? – спросил Владимир, сев рядом с диваном, и включил бра.

– Ой, выключи, по глазам бьет, утром померим, руку и так сильно зажимает.

Владимир погладил маму по руке: «Ну, все, спи, ма!», потушил свет, едва не сбросив со столика коробочки с таблетками, и пошел на кухню пить чай. За окнами сгустилось ночное небо с тучами, сквозь которые едва проглядывала Луна.

Владимир давно вышел из того возраста, когда молодые мужчины стесняются своих постаревших мам и бравируют перед сверстниками своим нарочито грубоватым с ними обращением. Это мы такие герои тогда, когда у нас все хорошо, а как случится какая-нибудь заваруха серьезная или помирать придется, так сразу: «Мама!» Все мы перед своими матерями – гуси лапчатые...

Едва только голова Владимира коснулась подушки, он сразу провалился в глубокий сон. И не слышал, как тяжело вздыхала и переворачивалась с боку на бок Нина Федоровна. Ей было плохо, но она не решалась позвать сына, боясь нарушить его покой. И уж так повелось в ее жизни, что всегда боялась она причинить кому-то, даже самым близким людям, хоть малейшие хлопоты или неудобство. И ей было спокойнее потерпеть, чем позвать кого-то на помощь. Ночью она так и не сомкнула глаз.

Утром Владимир, едва встав (как в сердце что толкнуло), натянул манжету тонометра на худенькую мамину руку. Ого! Верхнее – больше двухсот! Наверное, и вчера весь день высокое было...

Молнией промелькнуло в голове Владимира, как он целый день ехал то в поезде, то в электричке (захотелось на выходные поехать «развезаться» к друзьям), глазел в окно, и голова

была занята мыслями самыми простыми и приземленными. И, торопясь и не попадая по кнопкам телефона, с сильно бьющимся сердцем, Владимир вызвал «Скорую». Невысокий доктор в очках измерил давление (приехал один; сколько Владимир помнил – в предыдущие визиты с тонометром всегда хлопотала медсестра), поводит неврологическим молоточком перед глазами Нины Федоровны, послушал сердце и вынес вердикт: «Похоже на инсульт! Необходима госпитализация».

У Владимира все внутри похолодело. Нине Федоровне было уже далеко за шестьдесят, гипертония мучила ее много лет, но каждый раз, пережив недомогание, она с новой энергией принималась хлопотать по хозяйству. Казалось, что так будет всегда.

Водитель «Скорой» помогать нести больную категорически отказался (ох, эти приземистые пятиэтажки с их узкими и тесными лестницами!), и Владимир заметался. Соседи почти все были на работе, а тот, кто еще не ушел, пожаловался на поясницу и развел руками. Владимир в отчаянии выскочил во двор. Утро только начиналось, но у дальнего конца дома уже сидела группа залетных мужичков с бутылкой. Среди них Владимир заметил Генку, проживавшего в их доме. Генка перебивался случайными заработками, шабашил и, если работы не было, мог начать «употреблять» с самого утра.

– Ген, привет! Помоги маму снести вниз, инсульт случился, «Скорая» ждет! – вытолкнул из себя Владимир.

Генка посмотрел мутновато, выдержал паузу (Владимиру показалось, что она длилась целую вечность), отшвырнул окурок, бросил собутыльникам: «Я сейчас!» – и пошел с Владимиром. Нину Федоровну все во дворе знали как человека, никогда ни на кого не повышавшего голос. Она любила порядок и, даже если делала замечание какому-нибудь бомжу, надумавшему справить нужду во дворе, никто не отвечал ей руганью. Есть такие люди, при виде которых готовые сорваться с языка нехорошие слова остаются в голове их владельца и дальше не идут. Что-то в облике таких слабых с виду людей (уж точно не их физическая сила!) останавливает – даже тех, кто вроде бы уже и забыл нормальный человеческий язык.

Владимир с Генкой снесли болящую вниз, и «Скорая» понеслась в приемный покой.

Там Нину Федоровну переместили на скрипучую каталку, и пришлось долго ждать доктора. Владимир смотрел через наполовину забранное занавесками окошко в больничный сад и видел старинный лечебный корпус с колоннами и высокими окнами. Штукатурка на колоннах облупилась, и эта убогая картина вместе с драным линолеумом приемного покоя больно резанула Владимира по сердцу. Рядом по улице неслись сверкающие лаком иномарки, и их кричащий шикарный вид делал больничные корпуса еще более серыми и заброшенными. Это были два несовместимых и диаметрально противоположных мира.

Владимиру вспомнилось, как много лет назад он попал в травматологическое отделение с переломом ключицы. Это было непривычно и тревожно. Рука вдруг повисла как плеть, и при попытке ее поднять всю правую половину тела пронзало жгучей болью. И сильно беспокоило – а как же работать-то? Если руки не поднять? Ему тогда сделали тугую повязку, чтобы располвиненная ключица не повредила окружающие ткани, и предложили сделать обезболивающий укол. Владимир вспомнил, как он тогда по юному бесшабашному геройству отказался и всю ночь ворочался без сна на продавленной койке. Повязка давила на спину, тупо ныло место перелома, но дурацкое упрямство одержало верх.

Палата была небольшая, и сплошь лежал народ тяжелый. Первое, что неприятно поразило Владимира, так это тяжелый запах человеческих испражнений – как будто где-то совсем рядом была выгребная яма. Доплелся до больницы и добрался в отделение он уже вечером и не успел ничего толком рассмотреть. И только утром после бессонной ночи доглядел, что запах исходил от крайней кровати, где лежал небольшой тощий мужичонка бомжеватого вида, густо заросший щетиной.

Палатные страдальцы поведали Владимиру, что у мужичка сломан позвоночник, что у него ни руки, ни ноги не действуют, и что ходит он, естественно, под себя. Пожилая санитарка, дежурившая через день, убирала из-под него, поругивала и взмахивала половой тряпкой. Но получалось это у нее как-то беззлобно и по-свойски. С речью у страдальца тоже было плохо, и никто не мог толком разобрать, что он там хрипел. Кормили его с ложечки.

Ночью (когда дежурили снисходительные медсестры) кто-нибудь из ходячих больных вставлял ему сигарету в беззубый рот и дежурил рядом – чтобы упавший окурочок не прожог простыню. Утром приходил доктор, видел пепел на полу, чуял запах дыма, ругал для порядка медсестер и весь персонал, запрещал ночное курение, зная, что все равно нарушат.

И тут Владимиру вдруг пришло на ум: «А ведь ты ни разу не дал ему покурить! Другие, более тяжелые, и куревом делились, и рядом стояли. А ты – нет. Тебя только запах в палате злил...» Воистину, жизнь – сплошная череда экзаменов, и – пока жив человек – можно переписать неудачную «контрольную работу», можно пересдать. Владимир вспомнил, что ключица срослась тогда неправильно, и запястье на руке долго еще немело. «Вот и правильно получил, за дело», – мелькнуло в голове.

Пришла доктор из неврологического отделения – в аккуратном белом халате, в очках с толстыми линзами. Осмотрев Нину Федоровну, она начала задавать вопросы – как вас, мол, звать, сколько вам лет и все такое. Затем перевела взгляд на Владимира:

– Вы родственник?

– Сын, – ответил Владимир.

Доктор написала длинный перечень лекарств и сказала, где все это лучше приобрести.

Да, давно уже у нас так! Это раньше, когда человек попадал в больничку, он не покупал медикаментов. А теперь напишут петицию (чаще всего неразборчивым медицинским почерком) из латинских названий: «Принеси, тогда полечим!» И не бывает так, чтобы что-то из лекарств вдруг подешевело. Дорожают они упорно и постоянно. «Закон спроса и предложения!» – скажут с умным видом знатоки.

Владимир взял мелко исписанный листочек и двинулся в аптеку. Когда не ходишь по врачам, то и не знаешь, что в аптеках с утра бывает много людей. Владимир не любил очередей, но сейчас деваться было некуда. Аптеки – это пограничные пункты на границе двух миров – здорового, охваченного множеством забот, куда-то вечно спешащего и больного, которому спешить теперь вроде бы как некуда, и пульсирующая боль которого отодвинула другие хлопоты куда-то на задний план. В пограничных пунктах всегда очередь, ничего не поделаешь.

Первая тревога у Владимира улеглась, и голова стала сообщать быстрее. Рассказывали, что нынче в больницах кормежка никакая. Кормят кое-как два раза в день, ужина нет... Наверное, вспомнили старинное изречение, что ужин надо отдавать врагу. Где же находится этот самый враг, которому столько перепадает? Масла, мяса, сахара в больничном рационе давно уже нет – небось, другой какой супостат постарался. Наверняка он же и придумал, что на завтрак вполне можно обойтись без хлеба.

Владимиру вспомнилось, как еще в советское время ему довелось побывать в больнице, где было все готовое – и еда, и лекарства, и внимание врачей. Разумеется, не все тогда там было безоблачно, но длинный перечень лекарств больным не писали, голодом не лечили и денег на канцелярию, бланки для анализов и нужды отделения не требовали. Дранных матрасов, желтых от мочи и испражнений, тоже не наблюдалось. Великое благо, что мы не знаем своего будущего! Тогда Владимиру с товарищами по палате как-то раз показалось, что в больничной столовой кормят их не так вкусно, как бы хотелось, да и хлеба в котлеты добавляют многовато. И ребята пошли, вытребовали жалобную книгу, и в якобы праведном гневе нажаловались на полную катушку.

Сейчас бы те котлеты за счастье были...

А теперь придется самому готовить и носить родительнице еду. Не все нынче так плохо! Магазинов и аптек (равно как и банков) нынче полным-полно, купить можно почти все, если деньги есть, осталось только руки приложить. Тем более что сделать этого больше некому. Следующим утром Владимир отпросился с работы и, зайдя на рынок, купил у знакомой торговки домашнюю курицу. С магазинной, раздутой от гормонов и стимуляторов, навару не получишь...

Пока варился бульон, Владимир перебирал купленные лекарства и смотрел – нет ли где на них цены.

Нина Федоровна жила в прошедшем времени, когда цены на медикаменты (да и все остальное) измерялись в рублях и копейках, а не в десятках и сотнях, как сейчас. Да и Владимир помнил то время, когда коробок спичек стоил копейку, когда жажду можно было утолить стаканом газированной воды с сиропом за три копейки, а проехаться на автобусе или метро – за пятак. Нина Федоровна, видя цены на упаковках с пилюлями, пугалась и отказывалась принимать «дорогущие», по ее мнению, препараты. Владимир давно отвадил маму от хождения по аптекам, и на ее вопросы о ценах с ясными глазами и честным лицом врал без зазрения совести, занижая их в разы. Был в этом и «корыстный» интерес. Нина Федоровна в ее годы была оранжерейным цветком (а таким вне оранжерейных стен жить очень трудно, если вообще возможно), и даже такие пустяки, как чей-то косой взгляд или небольшое повышение цен на хлеб, поднимали у нее давление.

Уже на самом дне лекарственного пакета Владимир узрел коробку с ампулами для инъекций с наклеенным ярлычком. Кто ищет, тот всегда найдет! Владимир соскреб наклейку с цифрами и увидел под ней старую, написанную шариковой ручкой, цену. Интересное кино! Лежала себе эта коробочка на складе, лежала и вдруг, с какой-то радости, выросла в цене. «Кому война, а кому мать родна», – говорят в народе.

Наверное, владельцы аптек принадлежат к тому, другому, сверкающему лаком лимузинов миру, где расчет цен на лекарства является элементарной арифметической операцией и ничем более. «Правила рынка», «законы бизнеса» – вот и все. Без всякого движения совести. И все эти разговоры о душе – это умствование очкастых идеалистов, вредное суеверие, которое не должно приниматься в расчет. Но жизнь так устроена, что эти миры иногда (а, может, и часто) все же пересекаются. Хочешь, не хочешь – а каждому приходится вновь и в вновь сдавать эти экзамены. Только количество попыток у каждого свое.

После обеда Владимир, налив куриного супчика в банку и прихватив другой нехитрой снеди, поспешил в отделение. Стоял жаркий июнь, всю летел тополиный пух, но в больничном саду от тополей давно избавились, и поэтому все окна в отделении были открыты.

Неврологический корпус представлял собой старинное одноэтажное здание из камня-пластушки, утопавшее в зелени. Это было одно из самых первых строений больничного комплекса, располагавшееся у станции «Скорой помощи». Рядом был морг – и это неприятно поразило Владимира. Подальше бы быть от всего этого...

Владимир зашел в ту палату, где размещали вновь поступивших – тесноватую и узкую как пенал. Нина Федоровна лежала на самой ближней к двери койке. При виде сына она слабо и беззащитно улыбнулась.

– Ма, ну как ты? – спросил Владимир.

– Да ничего, лечат, – ответила Нина Федоровна. – Только вот рука правая не действует.

И подняла перед собой руки с маленькими морщинистыми кулачками – размером с детские. Владимир как-то по-новому увидел мамыны руки – в два дня истончившиеся, бледные и бессильные. Глаза Нины Федоровны заволкло слезами.

Владимир, стараясь не выдать нахлынувшего вдруг беспокойства, сразу перешел к делу:

– Ма, давай я тебя покормлю!

Мимо палаты прошла заведующая отделением, бросила взгляд и, увидев привычную здесь картину, проследовала в ординаторскую. Нина Федоровна была испугана, смущена и не знала как себя вести. Да и кто из нас, будучи взрослым, думает, что его когда-нибудь снова станут кормить, как в детстве, из ложечки?

Владимир начал потчевать маму стряпней собственного изготовления, и губы сами собой растянулись в улыбку. Неизвестно, что дальше будет с матушкой дальше (будет ли она вообще ходить?), но тревога куда-то исчезла. И сердце Владимира внезапно пронзила какая-то такая радость, какой раньше он никогда не испытывал. «Наверное, она так же радовалась, когда кормила меня в нежном возрасте!» – подумалось ему.

– Давай, ма, за меня, за брата и всех нас! – подбадривал Владимир.

Нина Федоровна преодолела первоначальное смущение и охотно ела суп.

На другой день Владимир, зайдя в палату, увидел на дальней кровати крупную женщину с натянутой до самого подбородка простыней. Медсестра подошла к ней с лекарствами и стаканчиком воды, та раскрыла губы и проглотила протянутые ей таблетки и воду. «Руки, наверное, совсем не действуют», – подумал Владимир. Но лицо пожилой женщины не было искажено гримасой боли или страдания. Оно выглядело спокойным, как будто даже довольным, и – не почудилось ли? – в углах губ пряталась едва заметная улыбка.

Лицо женщины показалось Владимиру смутно знакомым. Нина Федоровна чувствовала себя уже лучше, на предложение покормить ее ответила решительным отказом и кушала сама – левой рукой. Владимир тем временем сунул в лечебный пакет недостающие лекарства, и тут Нина Федоровна сделала ему знак глазами. Он склонился и услышал ее шепот: «Это она, ..., та самая!..» Да, это была именно она, та самая знаменитая художница! Это она, будучи воздушной гимнасткой, неудачно приземлилась на тренировке и сломала себе шейные позвонки. Цветущая 19-летняя юность, да и вся жизнь была, казалось, перечеркнута напрочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.